

...Красноармеец внезапно, почти безотчетно бросает свою часть, садится на поезд и возвращается в деревню весной, когда его вдруг зовет к себе пашня (рассказ «Поле»), причем, кроме этого зова, он уже не слышит ничего и не испытывает ни угрызений совести, ни даже страха быть пойманным.

...Какой-то один случайный жест случайно встреченной женщины возбуждает в человеке безудержную страсть, и эта страсть заставляет его совершать безумства и преступления, ведущие его самого к неотвратимой гибели («Жизнь Смокотинина»).

...Двое европейцев — английский агент и красный комиссар — живут бок о бок где-то в недрах раскаленной Азии. И, оказывается, что в этих условиях их классовая вражда и недоверие друг к другу отступают перед чувством «общечеловеческого» родства («Хлопок»).

...Красноармейский отряд схватывает в пустыне вражеского агента — женщину, и весь отряд, его предводители и рядовые бойцы бессильны противостоять стихийно охватившей их всех бешеной страсти к женщине. Отряд трагически погибает («Пустыня Тууб-коя»).

Таковы некоторые сюжеты «Тайного тайных». Атмосфера разгула «подземных» человеческих стихий, безотчетных связей и необъяснимых трагедий усиливается здесь изощренным вниманием к психологии «подсознания», пристрастием к прослеживанию странных образных ассоциаций, вызывающих то или иное чувство, и болезненно патологических «казусов», в которых наиболее откровенно сказывается слепая власть «тайного тайных». Эти рассказы насыщены ужасами и грубо-натуралистическими сценами, раскрывающими весь кошмар и неотвратимость прихода «тайного тайных». «Любовь и тоска на крови стоят», — пишет Вс. Иванов. Человек — игральные слепой судьбы, раб плотских вожделений и противоположенных импульсов (см., например, рассказ «Блаженный Ананий»). Мысль автора не отвлекается за пределы биологических тягот человека, вечно сопутствовавших ему и неискоренимых. Сборник «Тайное тайных» полон внеобщественного, далекого даже от подлинной философичности, биологического пессимизма.

Концепция «Тайного тайных» впитала в себя те настроения, которые охватили в середине 20-х годов часть советской литературы. Утихли романтические бури гражданской войны, жизнь вошла в мирную колею; партия приняла историческое решение о переходе к новой экономической политике; в стране оживились буржуазно-обывательские элементы. В этих обстоятельствах часть литераторов оказалась внутренне дезорганизованной, нэп казался им возвращением вспять и прямым поражением революции. Чудилось, что побеждает «ветхий человек» — косная, темная сила мещанства и «вечная» неистребимая «биологическая» жизнь, далекая от идеалов и подвигов. Испуг перед нэпом, уход в элементарные «вечные» проблемы и связанный с этим ужас перед фатальными силами, пессимизм отразились и в сборнике Вс. Иванова «Тайное тайных» и в примыкающих к нему произведениях.

Всю глубину разочарования и скепсиса, охватившего Вс. Иванова в этот период, передают рассказы и повести 1929 г. «Барабанщики и фокусники Матпукама», «Михаил — Серебряная дверь» и др. В одном из них говорится: «С 1917 г. командир С. Н. Поляков вступил в партию, то есть дал согласие совершать все, что полезно и необходимо людям для того, чтобы они жили лучше. И вот прошло пять лет, а из его стремлений ничего не получается и его жизнь заканчивается тем, что вот он мчится на коне, мчится по пустыне...»

Однако тот же сборник был своеобразной лабораторией, где выработывался новый стиль прозы Вс. Иванова — ясный, повествовательный, с вниманием к образной детали, идущей уже скорее от И. Бунина, а не от А. Белого и А. Ремизова. Более органичным становится и образный язык рассказов — в них уже не расчленяются, как ранее, лирический авторский план и бытовой сюжет, изощреннее становится выбор образных ассоциаций, мастерски подчеркивающих здесь психическую углубленность рассказа, неясность, неосознанность переживаемого.

В целом сборник «Тайное тайных» был тяжелым, дорого обшедшимся художнику отходом от прогрессивной, оптимистической и гуманистической «горьковской» линии молодой советской литературы.

Все нарастающее наступление социализма на капиталистические элементы, преодоление былой российской захудалости, героизм рабочих и крестьян, строящих на одной шестой планеты социализм, не могли не воздействовать на развитие нашей литературы. Не мог пройти мимо этого и такой большой и душевно честный художник, как Всеволод Иванов. В произведениях, созданных им после «Тайного тайных», он, с одной стороны, остается верен наиболее близкой ему теме гражданской войны, драматически-конкретных и причудливых столкновений старого и нового на рубеже исторической эры социализма (пьеса «Блокада», повести «Бегствующий остров», «Гибель Железной», «Возвращение Будды»), с другой стороны — он прямо обращается к сегодняшнему дню родины, пытается отразить в своих книгах волнующую картину перестраиваемой, изменяющейся на глазах действительности и роль, которую играют в этом историческом процессе руководящие в стране силы — пролетариат и коммунистическая партия (повесть «Хабу», пьеса «Компромисс Наиб-хана», роман «Путешествие в страну, которой еще нет», «Повесть бригадира М. М. Синецына» и др.).

Во многих из этих произведений дает себя знать обычное пристрастие Вс. Иванова к яркому экзотическому жизненному материалу, к остроготесковым формам проявления классового и человеческого поведения, к показу стихии наиболее примитивной жизненности глухих провинциальных устоев, своеобразной «законсервированности» в столкновении с волей и организацией, с новым духом, вносимым в действительность социалистическим строительством и бытом (повесть «Бегствующий остров»). Это выражается в том, например, что действие новых рассказов и повестей, хотя и отражает факты трудовой, повседневной советской жизни,